«МЕТРОПОЛИТЕН-ОПЕРА»: В ЗАЛЕ И ЗА КУЛИСАМИ

Уроки гастрелей Большого театра в Нью-Йорке

ЕСЛИ бы кому-нибудь в Америке захотелось понять, почувствовать, что происходит сейчас у нас в стране, совсем необязательно было бы лететь в Москву, Ленинград или Киев. Вполне достаточно пойти на спектакли оперной труппы Большого театра, которая только что завершила свои нью-йоркские гастроли и теперь продолжает их в штате Вирджиния.

«Большой, — пишет Джон Рокуэлл, один из музыкальных критиков «Нью-Йорк таймс», — это почти зеркальное отражение нынешних кризисов в самом Советском Союзе... Подобно всей стране, которую он так величественно представляет, театр, как мне кажется, отделился от старого. Но не уверен, каким путем ему идти к модернизации. И потому он пребывает в замешательстве...»

В замешательстве оказались и критика, оценки варьировались от беспощадно уничижительных до снискающих, приторных.

В «Онегине» и «Младен» критике не понравились режиссерская сумбурность, перенасыщенность декорациями голоса некоторых исполнителей.

На мой взгляд, спасла гастроль «Орлеанская дева». Это был безусловный успех. Там блистал хор. Никогда, ни в одном другом спектакле на сцене нью-йоркской «Метрополитен-опера» не доводилось мне слышать, чтобы хору аплодировали так, как аплодировали в тот вечер хористам Большого.

Америка явно ждала Большого. Но Америка вовсе не готова восторгаться Большим только потому, что это Большой. В Америке каждый раз надо доказывать себя заново, даже если увенчан всеми премиями, какие только есть в мире.

Евгений Нестеренко, певший Грмина, одной-единственной трехминутной арией вновь доказал, что он мастер. И вышло так, что всемирная премьера новой постановки оперы Чайковского стала по сути бенефисом Нестеренко.

Вообще не хочу создавать впечатление, что, кроме хора, Нестеренко и в некоторых спектаклях оркестра, Америка в Большом ничего на этот раз не увидела и не услышала. Если бы было так, не действовали бы столь активно импресарио разных оперных театров и фирм грамзаписи, подбирывавшие кандидатуры на «озолочение» тех, кому могли бы предложить выгодный контракт. Импресарио, люди в силу профессии таинственные, заранее ничего не афишируют. Но я удивляюсь, если сре-

ди исполнителей, к которым присматривались, не окажется Нины Руткич, певицей Татьяну и Жанну Д'Арк; Елены Зарембо — Ольги; Екатерины Кудрявченко — Агнес из «Орлеанской девы»; и Нины Аненикашвили и Светланы Славной, танцевавших в «Младен». Была бы возможность залучить хор, импресарио — я в этом уверен — устроили бы охоту и за ним.

А теперь прикинем: что получится, если импресарио в своей охоте преуспевают? В Большом, как сказал мне Владимир Коконин, его генеральный директор, «скамейка, если воспользоваться термином спортивным, станет тогда еще короче».

Процесс этот остановить будет практически невозможно, если не изменить кардинальным образом нынешнюю, по выражению Коконина, организацию театрального дела в нашей стране.

Чем можно отбить натиск западных охотников за талантами? Общежитием для солистов? Комиссией трудового коллектива, которая «перензбирает» певцов? Отсутствием у генерального директора права платить исполнителю столько, сколько исполнитель стоит? Необходимо почти три четверти валютных поступлений, зарабатываемых театром на гастроллях, сдавать государству в виде совершенно непомерного налога и министерству культуры?

Естественно, ни американскую публику, ни тем более американских критиков проблемы эти не волнуют. Им интересен результат, а не процесс. Скидок на трудности делать в Америке не готовы. Критики, повторю, была очень жесткой, подчас — просто жестокой. «И как вы восприняли ее?» — спросил я.

— Паники не было, — ответил Владимир Коконин, — но огорчения, конечно же, были. Однако относиться к этому надо спокойно...

На критиках, даже если они из «Нью-Йорк таймс», свет и вправду клинок не сошелся. Но что же будет с Большим дальше? Гастроли подтвердили: театр переживает тяжелые времена. Сомнений, что надо кардинально менять те условия, в которых существуют и Большой, и вся наша культура, нет. Но тут-то и оказывается Большой перед той же дилеммой, перед которой стоит и вся страна. Дальше так жить нельзя. Но нет полной уверенности, каким путем идти, сколько это займет времени, вытерпим ли, хватит ли

нам сил. Сам Коконин признал в беседе со мной, что смена поколений происходит слишком резко.

Идей перестройки Большого — масса. У них, если разобраться, есть общий знаменатель: театр должен быть более самостоятельным, чем сейчас, в творческом, в финансовом, в любом отношении.

— Нет, — отвечает на мой вопрос Коконин, — на превращение Большого в совместное предприятие мы естественно не пойдем, это национальная гордость. Но есть же другие варианты.

Одним из них Большой воспользовался на нынешних гастролях: московский банк «Элбим» выделил два миллиона рублей, и в программах был упомянут как официальный спонсор с советской стороны. Для сравнения: на все поое все государство выделяет Большому... восемь миллионов рублей ежегодно.

Но сверхидея — это создание фонда Большого театра, куда бы вошли на правах пайщиков люди, организации, предприятия — денежные, авторитетные, влиятельные. То есть если я правильно понял разьяснения генерального директора Большого, получиться бы нечто похожее на ту систему, по которой живет — и очень неплохо — нью-йоркская «Метрополитен опера», почти никак не зависящая от государственных субсидий, полагающаяся на донорство частное и сама решающая все вопросы, с ее жизнью и творчеством связанные.

Фонд, надеется Коконин, может позволить перейти наконец на контрактную работу в Большом, залучить вторую сцену, без которой возможности творческого роста исполнителей безнадежно ограничены, расширить репертуар, переселить солистов из общежитий в квартиры, каладить — в коммерческих целях — видеозаписи спектаклей, открыть свой магазин грампластинок, есть же такой при «Мете», и сделать еще много-многое другое, дабы Большой стал нормальным — по меркам нынешних, а не вчерашних времен — театром.

Соответствующие расчеты и выкладки подготовлены и направлены в высшие наши ведомства. Нужно принимать решение. Гастроли в Нью-Йорке подтвердили: времени в обрез...

А. ШАЛЬНОВ,
соб. корр. «Известий».
НЬЮ-ЙОРК.